

От главного редактора

Замедление роста российской экономики, ставшее во многом неприятным сюрпризом 2013 г., прогнозируется и на 2014 г., создавая весьма тревожный фон не только для бюджетных перспектив, но и для намеченных программ модернизации в разных областях экономики. С макроэкономической точки зрения, конечно, ничего неожиданного не произошло. Внутренний спрос экспортных отраслей в условиях отсутствия перспектив физического роста экспортных поставок основных товаров, стабильных и даже снижающихся мировых цен на сырье и сохраняющихся ножиц между темпами внутренней инфляции и курсом национальной валюты неминуемо должен был снижаться. Это столь же неминуемо должно было угнетать инвестиционный спрос. Слабые инвестиционные ожидания должны были сказаться на сдерживании темпов роста доходов и, соответственно, на сокращении темпов роста потребительского спроса. Это и произошло. Но к этому добавилось еще и спекулятивное движение капитала в ожидании неминуемого ослабления рубля под давлением макроэкономических факторов. И ослабление рубля тоже произошло. Поиски рублем точки «курсового равновесия» явно затягиваются, и связано это с включением, конечно, механизмов девальвационных ожиданий. Неконтролируемое скольжение рубля вниз способно стать новой проблемой, так как чрезмерное ослабление рубля означает дальнейшее сокращение инвестиционного и потребительского спроса. Все это способно стать серьезной проблемой, решение которой без восстановления экономического роста если и возможно, то ценой весьма больших потерь.

Оставим в стороне вопрос о том, какова точка равновесия курса рубля в сложившихся макроэкономических условиях. Остановимся на возможностях восстановления экономического роста самого по себе. При этом обсуждаются весьма разнообразные вопросы: курс рубля, процентная политика Центрального банка, технологическиеклады, государственное управление, инвестиционные мегапроекты, использование в инвестиционных целях золотовалютных резервов, мотивация труда, миграция финансового капитала и пр.

Традиционно наименее обсуждаемым вопросом в проблематике экономического роста является экономическое пространство и его использование. Было бы большой натяжкой утверждать, что этот вопрос является ключевым, особенно с точки зрения кратковременных перспектив восстановления и поддержания роста. Но с точки зрения длительной перспективы, а она принципиально важна в этом контексте, это действительно вопрос наиважнейший. Известно, что существуют две диаметрально противоположные точки зрения на роль «больших пространств» в экономике наций. Одни утверждают, что большие пространства — беда, другие, напротив, убеждены, что это большое богатство. Возможно, правильное утверждение — большое богатство порождает большие проблемы. Оно провоцирует нерачительное отношение к себе, убаюкивает ожиданием «ренты без хлопот», порождает

«экономику собирательства», создает иллюзию компенсации масштабами провалов в эффективности. Но все же это – богатство. И в длительной перспективе это богатство способно приносить большие доходы за счет правильного пространственного эшелонирования инвестиций, своевременного вовлечения в экономический оборот «замыкающих» ресурсов, разумного распределения альтернативных выигрышей и потерь в пространстве и пр.

Именно с точки зрения долговременной перспективы и именно сейчас, когда обещания 6–8% ежегодного прироста в ближайшей перспективе больше напоминают верноподданническую политкорректность, чем объективную оценку вероятностей, когда призывы не пожалеть денег на инвестиционные мегапроекты ради высоких темпов роста, несмотря на крайнюю слабость трансформации мегаинвестиций в конечный спрос, несмотря на институциональную незрелость и управленческую беспомощность, несмотря на потерю технологического потенциала и явную неспособность сконструировать эффективную инновационную систему, если и не генерирующую, то действительно заимствующую в широких масштабах инновации, необходимо весьма сдержанно и максимально эффективно выстроить систему использования возможностей, предоставляемых «пространственным богатством».

Эта система многоаспектна, остановимся лишь на «восточном фрагменте» пространственной политики, которая могла бы принести столь желанное увеличение темпов роста.

Знамение последнего времени – разворот национальной пространственно-экономической политики на восток. Очевидно, что это – объективная необходимость, учитывая исчерпание потенциала «старых» рынков. Но настораживает упорное стремление связывать этот разворот если не исключительно, то в значительной степени с экономическим развитием Дальнего Востока, добавляя к нему еще и «Байкальский регион» (почему уж тогда не всю Сибирь?). При этом экономическое развитие нового мегарегиона (Дальний Восток и Байкальский регион) трактуется как сравнительный экономический рост и изменение структуры экономики в самом мегарегионе. Это подается как само собой разумеющееся безо всяких на то оснований. Обычно аргументируется этот прием необходимостью «соответствовать» странам Восточной Азии. Но в Восточной Азии в качестве самостоятельных объектов международной кооперации, институциональных и проектных инициатив отдельные регионы рассматриваются только в рамках исследовательских концепций (СВА, регион Японского моря, Туманганская инициатива). Реальная международная кооперация осуществляется на основе формирования национальных межэкономических взаимосвязей, в частности, в формате «Большая тройка» (Япония – КНР – Республика Корея), «Большая тройка – АСЕАН» и «Транстихоокеанское партнерство». Во всех этих форматах участвуют не регионы, а национальные экономики. Эта кооперация все больше приобретает черты монополистической конкуренции, действующими агентами которой являются национальные экономики, конкурирующие за ресурсы и рынки. Подмена на-

ционального потенциала России региональным потенциалом Дальнего Востока и Байкальского региона как основой для участия России в формировании международного конкурентного рынка, учитывая разреженность экономического пространства на востоке России и особенности сравнительной эффективности факторов производства, может привести не к увеличению потенциала экономического роста, а к его снижению в целом для экономики страны.

Собственно говоря, рациональная часть общенациональной стратегии «разворот на восток» уже в основном выполнена в форме программы формирования магистральной экспортпроводящей сети на территории Дальнего Востока. Для этого вполне обоснованно были консолидированы общегосударственные инвестиционные ресурсы. Вкупе с освоением новых источников сырья на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири это стало хорошим фундаментом для эксплуатации потенциала новых рынков в зоне АТР, что по существу реализовало давнюю (сформулированную в 1990 г.¹) идею создания на юге Дальнего Востока транзитной зоны в торговой и инвестиционной кооперации с АТР.

Создание магистральной сети в рамках проекта корпоративно-государственного партнерства имеет положительный эффект в торговой сфере и стимулирует приток инвестиций в сырьевой сектор региона. Это действительно способно повысить эффективность использования национальных природно-ресурсных возможностей. Однако из этого совершенно не следует, что автоматически положительный эффект может быть получен при вложении огромных национальных ресурсов в глубокую структурную перестройку экономики региона, имея в виду создание масштабных перерабатывающих производств, ориентированных на увеличение доли добавленной стоимости в их продукции. Это на бумаге способно привести к впечатляющим прогнозным показателям роста, но и только. Рациональной является организация в эффективных масштабах переработки и производства конечных и промежуточных продуктов переработки сырья в интересах экспорта. Но и только. И при этом следует понимать, что реальный мультиплицирующий эффект как собственно магистральной инфраструктуры, так и проектов переработки сырья весьма ограничен.

Следует различать две связанные, но содержательно и политически различные задачи: экономическое развитие региона и экономический рост в регионе. Подмена проблематики экономического развития задачами форсирования экономического роста недопустима. Связь в том, что развитие – более широкая задача по сравнению с ростом, оно невозможно без экономического роста. Различие в том, что экономический рост в данном регионе вполне возможен и без заметного развития, под которым понимается широкий спектр параметров, описывающих сравнительные доходы и сравнительные расходы населения, доступность и качество

¹ См.: Концепция выхода из кризиса и развития экономики Дальнего Востока / под ред. П.А. Минакира. Биробиджан – Хабаровск, 1990. 42 с.

общественных благ, качество коммунальной среды, экология, мобильность населения, состояние рынка труда, качество социальной инфраструктуры, уровень образования, здравоохранения, экономическая активность населения, масштабы распространения малого бизнеса и пр. С точки зрения развития необходимый для его поддержания в данном регионе экономический рост не обязательно должен быть достигнут именно в его пределах, хотя реально имеющиеся возможности экономического роста в самом регионе, безусловно, должны быть реализованы. Эффективной стратегией по умолчанию является наращивание темпов роста там, где предельная цена этих темпов наименьшая. Политика по развитию конкретных регионов в этом смысле относится к проблематике оптимального, с точки зрения социального равновесия, распределения результатов экономического роста.

Экономическое и социальное развитие является главной проблемой современного и предстоящего этапа истории страны. Именно необходимость качественной модернизации не просто экономики, но всей системы организации жизни в стране определяет задачи самого экономического роста. Для Дальнего Востока существуют три принципиальные группы задач системного развития: а) модернизация инфраструктуры доступа населения к общественным и коммерческим услугам по приемлемым (адекватным уровню доходов) ценам и при минимальных затратах времени (коммунальные услуги, образование, здравоохранение, культура, искусство, обратная связь с государственным управлением); б) гарантия свободы передвижения, в том числе миграции в пределах региона — региональная транспортная сеть, местные аэропорты, всепогодная малая авиация, сеть локальных автодорог; в) создание максимальной плотности рынка труда, товаров и услуг в южной зоне Дальнего Востока с опорой на полюса роста для уплотнения рынка в полосе Благовещенск — Хабаровск — Владивосток, Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре посредством развития сети шоссейных дорог, опирающихся на магистральную инфраструктуру (ДВЖД).

Решение двуединой задачи «экономический рост — общественное развитие» в аспекте российского Дальнего Востока предполагает точный выбор инструментов. В последние 15 лет популярны предложения по созданию «полюсов роста» на Дальнем Востоке (и не только), это — известная концепция середины XX в., которая часто приносила успех (Франция, КНР, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Таиланд, Малайзия). Но успех отнюдь не гарантирован и достигался не всегда. Для Дальнего Востока в разные периоды эта концепция преподносилась в форме предложений и даже заданий по созданию ОЭЗ, полюсов роста, зон ускоренного развития, плановых кластеров. Последняя «новация» в этой связи — создание «территорий опережающего роста» (ТОР).

Попытки априорной оценки результативности этой новации бессмысленны. При определенных условиях успех возможен, хотя все предыдущие попытки, иначе формулировавшиеся, но аналогичные по существу, провалились. Есть некоторая надежда, что уроки будут извлечены. Но есть и опасения, что это не так.

Настораживает масштаб новации. Объявлено, что только в Приморском крае планируется создание 12 ТОРов. Нетрудно представить, что, как и в случае с кластерами и ОЭЗ, возникнет соревнование между субъектами РФ за первенство в количестве, которое, учитывая энтузиазм чиновников федерального уровня по наращиванию общего числа ТОРов, погребет возможный положительный эффект под завалами административных амбиций.

Следовало бы начать с малого количества пилотных проектов таких зон, четко понимая, в чем преимущества каждой, каков механизм функционирования каждой, подготовив пакет нормативных актов для каждой. Главное – конкретно определить конкурентное преимущество таких зон. Это не одинаковый и даже не льготный по сравнению с Восточной Азией административный и налоговый режимы. Эти режимы могут и должны быть фоном для развития бизнеса вообще на территории хотя бы Дальнего Востока. Но и при их наличии успех могут принести только конкретные экономические преимущества (цена труда, масштаб предложения квалифицированного труда, условия финансирования и кредитования, норма рентабельности, защита прав собственности и пр.).

Еще одно условие заключается в специфике экономического пространства. Известно, что ни Дальний Восток, ни Байкальский регион не являются экономически однородными территориями. Из выделяемых пяти экономических зон только одна (южная приграничная) может рассматриваться в качестве зоны условно сплошного освоения и расселения с наличием двух полюсов роста – Владивостока и Хабаровска. С движением на север экономическая деятельность становится все более фрагментарной, экономическое пространство становится все более разреженным и возможности увеличения степени разнообразия экономической деятельности уменьшаются, количество потенциально эффективных с рыночных позиций производств и видов деятельности сокращается, концентрируясь в зоне первичного сектора экономики¹. Следовательно, возможности структурного развития, имея в виду увеличение степени разнообразия экономической деятельности, концентрируются, как правило, на самом юге региона в приграничной полосе, есть лишь одно исключение – район Комсомольска-на-Амуре.

Но при этом и здесь существует фундаментальное ограничение – масштаб возможного производства в связи с узким рынком. Поэтому рационально ориентироваться на малые, перерабатывающие специфическое сырье, и высокотехнологичные производства, ориентированные в том числе и на внешний рынок, кооперированные с производителями и финансово-торговыми сетями в Восточной Азии. То есть ТОРы должны представлять собой зоны или пояса размещения как раз малых, перерабатывающих специфическое сырье, и высокотехнологичных производств.

¹ См.: Синтез научно-технических и экономических прогнозов. Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Хабаровск: Дальнаука, 2011. С. 671–704.